

Детство, убитое войной

АХ, ВОЙНА, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛА, ПОДЛАЯ...

(...продолжение. Начало на стр. 1)

Жизнь без детства

Лет 40 назад всех нас потряс фильм об истории девочки Анны Франк из Нидерландов. Не удалось добрым людям спрятать ее от нацистов, она погибла в концлагере в Германии. Сохранился ее незамысловатый дневник, издававшийся с тех пор много раз. Мир помнит: в нынешнем году в Париже поставлен еще один спектакль об Анне Франк. Эта ранящая сердце история так и осталась бы еще одним эпизодом войны в другой стране, если бы не одно знакомство...

Внешняя хрупкость и одновременно невидимая внутренняя сила, исходящая от маленькой седовласой женщины, вызывают удивление и заставляют обратить внимание, прислушаться. Ясный взгляд спокоен, тверд и... задумчиво-печален. Особенно поразили произнесенные с душевным трепетом ее слова, посвященные недавно ушедшей из жизни соратнице, вместе с которой боролись за то, чтобы не забыли люди о детях, лично познавших, что такое война.

Стелле Владимировне Никифоровой, руководителю одного из объединений бывших детей-узников концлагерей, удалось преодолеть с товарищами немало преград, чтобы установить памятник своему горькому трагическому детству в нацистских концлагерях. Через десять лет «сражений» в кабинетах на окраине Петербурга появился в нынешнем году памятник детям-узникам.

В бельгийском Антверпене жила семья беженцев из Испании: бабушка, мать, отец и маленькая девочка Стелла. Бельгию одной из первых стран в Европе захватили немцы, начались облавы на евреев. Отец семейства был хорошим специалистом, и хозяину предприятия, на котором он работал, несколько раз удавалось спасти его от ареста.

Когда патруль приходил в дом, вспоминает Стелла Владимировна, бабушка, жившая у них нелегально, пряталась в шкафу. Однажды в нем и умерла – не выдержало сердце. Недолго оставалась семья на свободе, пришел день, и отец оказался в Бухенвальде, а маму с дочкой отправили в Равенсбрюк. Мама упала без чувств при виде строя солдат у входа в лагерь, а толпа заключенных навсегда увлекла за собой 4-летнюю Стеллу. Добро-сердечные женщины разных национальностей берегли, как могли, и спасли девочку, а когда пришло освобождение, она стала 6-летней русской сиротой в детском доме в городе Брянске.

«Убитое детство»

Слово самой Стелле Владимировне. «Убитое детство» – так назван сборник воспоминаний бывших детей-узников фашистских лагерей, живущих сейчас в Петербурге, над которым работала она и ее сотоварищи по горькому детству.

Из предисловия

От авторов:

Полвека назад закончилась Великая Отечественная война. Мы были тогда детьми, но война захватила нас в свой круговорот и вертела – кого сильнее, кого слабее. Судьба оказалась милостивой к нам, и мы выжили в той войне. Но день, в который она началась, оказался последним днем нашего детства.

... В нашей памяти точно, как на фото-плёнке, запечатлен и пылающий родной дом, и поезд, уносящий в чужие края, и колючая проволока вокруг нового жилья,

Фото Татьяна ПЕТРОВА/Великая Эпоха

Бывшая узница Стелла Владимировна Никифорова

Председатель ЗАКСа Санкт-Петербурга В. Тюльпанов на открытии памятника бывшим детям-узникам фашистских лагерей

и нестерпимый голод, судорогой сжимающий все внутри.

Мы не забыли ни единой крупички добра и человеческого участия, встретившегося на нашем пути. Но мы не в силах забыть и того ужаса, страха и унижений, которые нам довелось испытать. Нам не давали об этом забыть ни сразу после Победы, ни многие годы спустя.

Пребывание в фашистском плену делало изгоем каждого: будь то трехлетний ребенок или дитя, родившееся в неволе. Долгие годы мы считались неблагонадежными, людьми второго сорта, хоть ничем не провинились перед Отчизной.

Нас, оставленных на милость оккупантов, как бы вовсе не существовало...

Отрывки из статьи «Поверьте, это очень страшно!» Автор С. Никифорова

... Вспоминается мне тихий новогодний вечер на израненной брянской земле. [Новый год в детском доме – прим. ред.] Это первый настоящий праздник. Устав от непривычного веселья, я уселась у печки и, приоткрыв дверцу, стала любоваться на весело потрескивающий огонь. И вдруг я отчетливо поняла, что вот так же, как эти поленья, горела моя мама. Я закричала от охватившего меня ужаса... Могла только кричать и плакать, сознавая одно: мамы нет и уже никогда не будет... Этот день был самым страшным днем в моей жизни.

Родители мои были испанскими эмигрантами. Когда в Испании пришли к вла-

сти фашисты, они уехали в Бельгию. Там, в городе Антверпене, я и родилась в июле 1939 года.

[Арест. Поезд в Германию. Лагерь Равенсбрюк. Расставание навсегда 4-летней девочки с мамой].

Мамы не стало, но меня в лагере всегда оберегали женские руки. Хорошо помню, как женщины прятали меня от фашистов.

...Вот у входа в барак – эсэсовцы. Как спасти ребенка? Одна из женщин сажает меня в мешок и, рискуя жизнью, проносит мимо них.

... Мы, дети, как и взрослые, были вечно голодны. Хлеб казался нам лучшим лакомством. Но даже такого хлеба, пополам с опилками, мы никогда не получали столько, чтобы насытиться...

...Помню солнечный весенний день. Мы, ребятишки, вышли поиграть на солнышке у барака. Никаких игр мы не затевали: одни были больны, другие – слишком слабы для этого.

И вот, мимо нас, виляя бедрами и поигрывая сеткой с хлебом и салом, идет эсэсовка. Хлеб (белый!) и сало не завернуты. Мы все цепенеем. Такого богатства, такой необыкновенной еды мы давно не видели. Мы невольно, не отрывая глаз от хлеба, начинаем продвигаться все ближе и ближе. Эсэсовка улыбается, как будто поощряет нас. И мы начинаем верить, что она даст нам по кусочку. Дети стоят рядом, не в силах оторвать глаз от того, что их влечет. Но тут происходит неожиданное. Эсэсовка размахивается ногой, обутой в хорошо вычищенный сапог, отбрасывает одного из нас. Он летит кувырком, а все остальные разбегаются в стороны. Но фашистка не уходит. Она хохочет...

[Подходила Красная армия, лагерь должен был эвакуироваться. Комендант разрешил женщинам взять нескольких детей и уехать на телеге].

...Довольно долго еще скитались мы по дорогам Германии. Однажды вечером нас настигла страшная бомбежка. Женщины разбежались, спрятались, а дети остались в телеге посреди дороги. Сбившись в кучу, мы дрожали и плакали. И вдруг, неочи-

данно для нас, уже потерявших всякую надежду, у телеги появилась женщина. Она быстро схватила нас – кого на руки, кого за руку, и побежала с нами в укрытие. Это была Олимпиада Алексеевна Черкезова, тоже узница Равенсбрюка. Не один месяц мы провели с ней. Она опекала нас, как мать.

...Бывает, проснусь среди ночи и ясно вижу широкую реку, свинцово-черную, страшную. И мост через нее – огромный, гремучий. Тетя Липа ведет нас по этому мосту на другой, невидимый в темноте, берег.

...Много дней брела наша толпа к советской границе.

После многих приключений тетя Липа – наша спасительница – привела нас с Ниной к себе на Родину, в город Брянск. Там сдала нас в детский дом, а сама уехала разыскивать своего сына, потерявшегося на бесчисленных дорогах войны.

Многих сирот собрали после войны детские дома. Здесь мы жили, учились и... ждали. Каждый надеялся, что он не сирота, и родители его обязательно отыщут.

... Я сама давно мама, и мои дети выросли без войны... Я мечтаю только о том, чтобы никогда-никогда ничьи дети на нашей Земле не переживали того, что несет с собою война.

Поверьте, это очень страшно.

Вместо эпилога

Через много лет Стелле Владимировне удалось найти следы отца, который, уцелев и выйдя из концлагеря, не нашел своей семьи и в горе уехал в далекую Бразилию. Дочь прожила у отца несколько месяцев, но остаться не смогла – тянуло на «родину».

А в СССР была жизнь, как у всех, с радостями и тревогами, счастьем любви и рождением детей, постоянными трудами и потерями близких. Сегодня в России, в Санкт-Петербурге, не просто живет, а действует, неустанно борется за права своих друзей, не сдается обстоятельствам женщина с душой поэта. Это свое стихотворение она выбрала для печати сама.

*Я не умею радоваться.
Не научили? Да, нет,
Что-то в душе мешает
Чему и названья-то нет.*

*Плохому – не хочется верить,
Хорошему – как-то боюсь.
И даже в огромной радости
Кроется тихая грусть.*

*Закручена, как пружина,
В напряженьи душа.
Лопнет – не выдержит или
Раскрутится не спеша?*

*Так хочется весело, радостно
Смеяться от всей души...
А кто-то мне шепчет тихонько:
«Нет, Стеллочка, не спеши...»*

(17.11.1994, Сан-Паулу, Бразилия).

Пожелаем Стелле Владимировне и всем ее добрым друзьям тепла и понимания от близких и чуть больше внимания от властей. Пожелаем всем детям никогда больше не оказаться без мамы и папы, жить без войны.

***все источники представляют разные данные о человеческих потерях в войне.**

Татьяна ПЕТРОВА